

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 172–191.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2026. Vol. 9, no. 1. P. 172–191.

Научная статья / Original article

УДК 101.2

doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-172-191

«ТВОРЧЕСКИЙ СИНТЕЗ» И ОБНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКО- ФИЛОСОФСКИХ ПРОЕКТОВ Ф. А. СТЕПУНА И И. А. ИЛЬИНА

Александр Андреевич Гиринский

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, agirinskiy@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-9334-431X>

Аннотация. В статье представлен анализ политико-философских концепций русских политических мыслителей Ф. А. Степуна и И. А. Ильина. Акцент сделан на рассмотрении феномена демократии в творчестве данных философов. Предмет исследования — анализ демократии как политической секулярной формы. В начале статьи констатируется постепенная смена политологической исследовательской парадигмы — линейные теории модернизации и «демократического транзита» постепенно уходят в прошлое, на

© Гиринский А. А., 2026

первый план выходит необходимость многоаспектного междисциплинарного анализа исторической динамики политических режимов, не сводимой к «эталонам» и ангажированным наборам критериев. Представлен краткий обзор отечественных и зарубежных исследований. Констатируется и обосновывается необходимость реконфигурации понятия демократии в связи с кризисом восходящих к Просвещению политико-философских дефиниций. Актуализируется необходимость обращения к творчеству русских философов, в творчестве которых представлена развернутая критика либерально-прогрессивной парадигмы западного модерна, а также «формального» секулярного подхода к демократии. Делается вывод, что философы настаивают на необходимости «творческого» подхода к изобретению новых политических форм. Для этого необходимо «освобождение» от политических концепций «идеократического» XX века. В выводах указывается, что Ф. А. Степун настаивает на необходимости воплощения принципов христианского реализма и отказе от секулярного утопизма, а И. А. Ильин выступает за исторически-конкретное политическое целеполагание, свободное от ограничений моралистически-идеологического толка.

Ключевые слова: кризис демократии, секуляризация, творчество, модерн, политика, идеология

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10104. <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

Ссылка для цитирования: Гиринский А. А. «Творческий синтез» и обновление демократии: актуализация политико-философских проектов Ф. А. Степуна и И. А. Ильина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 172–191. doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-172-191.

Literature. Philosophy. Religion

“CREATIVE SYNTHESIS” AND THE RENEWAL OF DEMOCRACY:
ACTUALIZATION OF THE POLITICAL AND PHILOSOPHICAL PROJECTS
OF F. A. STEPUN AND I. A. ILYIN

Alexsander A. Girinsky

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, agirinskiy@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-9334-431X>

Abstract. This article presents an analysis of the political and philosophical concepts of Russian political thinkers — F. A. Stepun and I. A. Ilyin. The emphasis is on the analysis of the phenomenon of “democracy” in the works of these philosophers. The subject of the study is the analysis of democracy as a political secular form. At the beginning of the article, a gradual change in the political science research paradigm is noted — linear theories of modernization and “democratic transit” are gradually becoming a thing of the past, the need for a multi-aspect interdisciplinary analysis of the historical dynamics of political regimes, which cannot be reduced to “standards” and biased sets of criteria, comes to the fore. A brief overview of domestic and foreign studies is presented. The necessity of reconfiguring the concept of “democracy” in connection with the crisis of political and philosophical definitions dating back to the Enlightenment is stated and substantiated. The necessity of turning to the works of Russian philosophers, whose works present a detailed criticism of the liberal-progressive paradigm of Western modernism, as well as the “formal” secular approach to democracy, is actualized. It is concluded that philosophers insist on the necessity of a “creative” approach to the invention of new political forms, for which it is necessary to “liberate” from the political concepts of the “ideocratic” twentieth century. The conclusions indicate that F. A. Stepun insists on the need to embody the principles of Christian realism and reject secular utopianism, I. A. Ilyin advocates historically specific political goal-setting, free from moralistic and ideological limitations.

Keywords: crisis of democracy, secularization, creativity, modernism, politics, ideology

Acknowledgments. The study has been funded by the Russian Science Foundation, project no. 25-28-00974. <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

For citation: Girinskiy, A. A. (2026) “‘Creative Synthesis’ and the Renewal of Democracy: Actualization of the Political and Philosophical Projects of F. A. Stepan and I. A. Plyin”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 9(1), pp. 172–191. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-172-191.

После демократии: как жить без идеала?

Проблема демократизации российской политической системы остается одной из актуальных как в аспекте практической политики, так и в контексте исследовательского интереса. При этом господствующие в академическом поле в 1990-е и 2000-е годы теории «демократического транзита», во многом опиравшиеся на линейные теории модернизации, разработанные на Западе в годы холодной войны, в значительной степени потеряли свою научную актуальность [Мартьянов, 2020; Кудрявцев, 2023].

Однако демократия как исследовательская проблема остается важной составляющей теоретических исследований в области истории и теории политики, политической философии. Стоит отметить, что в отечественном академическом пространстве постепенно происходит замещение западоцентричных теоретических моделей «либеральной демократии» более сложным и многоаспектным рассмотрением исторических аспектов демократизации, выявлением уникальных историко-контекстуальных условий и факторов, способствующих возникновению плюралистических политических режимов в каждом отдельном регионе или стране [Кудрявцев, 2023; Петрова, 2024]. С середины 2000-х годов похожие процессы происходят и в западной академической традиции.

Социолог К. Крауч называет наступающую, с его точки зрения, эпоху термином «постдемократия», подчеркивая размывание социальных и экономических основ, на которых строились и консолидировались демократические режимы западных стран во второй половине XX века. Исчезновение среднего класса, снижение значения профсоюзов и рабочего движения в политической системе, рост влияния финансового сектора и корпоративных элит — эти факторы, с точки зрения Крауча, приводят к тому, что реальная политика приобретает непубличный характер. Публичные же политические форматы и институты, наоборот, приобретают симулятивный, манипулятивный характер, порождая, с одной стороны, массовое отчуждение от политики, а с дру-

гой — рост эмоциональных реакций, которые на самом деле никак не влияют на принятие реальных политических решений, которые теперь совершаются кулуарно [Крауч, 2010].

Итальянский историк Л. Канфора отмечает, что демократия в принципе не может являться нормативным политическим режимом, так как представляет собой лишь этап исторических изменений, связанный с перераспределением социальной власти. Такие «перераспределения», отмечает он, периодически происходят в истории, но пока еще не было примеров того, чтобы демократия могла консолидироваться на достаточно долгий по историческим меркам срок. Последняя попытка такой стабилизации была предпринята в послевоенное время, благодаря чему, несомненно, были достигнуты серьезные успехи в социально-экономическом развитии стран Запада, но в итоге и она также потерпела неудачу. Демократические режимы современных капиталистических обществ, с точки зрения Канфоры, представляют собой лишь «ширму» для обеспечения власти олигархических элит [Канфора, 2012].

Канфора полагает, что в истории мы еще неоднократно увидим новые сюжеты, связанные с перераспределением власти. А это значит, что демократия и новые попытки ее консолидации будут происходить вновь и вновь, но, скорее всего, с другим идеологическим содержанием и вряд ли его будут снова определять европейцы. Схожих позиций придерживается и социолог Ч. Тилли [Тилли, 2007].

Экономический социолог В. Штрик рисует еще более мрачную картину. В исследовании, посвященном кризису «демократического капитализма», он констатирует, что демократическая политика «прозевала» неолиберальную контрреволюцию, связанную с экспансией финансового сектора и постепенным сворачиванием проекта «государства всеобщего благосостояния». По сути, отмечает Штрик, политико-экономическая модель Запада в своих структурных очертаниях начинает повторять институциональные характеристики второй половины XIX века. За счет распада СССР и появления новых рынков сбыта западный капитализм смог продлить свое относительно успешное существование, но ценой сокрушительного падения уровня жизни и роста неравенства в тех странах, куда в 1990-е годы пришел западный капитал [Штрик, 2019].

Триумф универсализма «либеральной демократии» (по Ф. Фукуяме), казавшийся неизбежным в конце прошлого века, сменяется напряженным поиском национальных моделей демократии, зависящих от социально-экономического, культурного, ценностного потенциала конкретной нации и государства.

Уникальность текущей ситуации состоит в том, что впервые за последние десятилетия политическая сфера жизни общества остается без внятного сформулированного идеала политического устройства. Закат «либеральной демократии», по всей видимости, означает не просто поражение конкретной формы политического режима в определенных обстоятельствах, но и завершение целого периода в истории, связанного с господством идей западного Просвещения.

В данном случае прекращение идей господства западного Просвещения означает реконфигурацию секулярного политического пространства модерна, в котором идея либеральной демократии занимала свое место. Иными словами, современный кризис демократии как политического режима — это не только социальное явление, но и кризис философской основы демократических форм правления как элемента единой секулярной конструкции модерна, сложившегося к окончанию XX века [Мчедлова, Кудряшова, 2016]. С точки зрения политолога Дж. Грея, кризис современной демократической политики — это, в первую очередь, кризис секулярно-рационального обоснования моральных определений политического [Грей, 2003].

В этой связи кажется полезным и необходимым обращение к интеллектуальному багажу русской политико-философской традиции, к тем исследовательским инструментам и методологическим траекториям, которые были наработаны в течение прошлого века русскими философами.

Важно отметить, что идеал «либеральной демократии» западного типа никогда не казался русским философам единственно возможным и, самое главное, необходимым для реализации в России. Воспринимая негативно тот политический режим, который сложился в СССР, русские философы не менее критично смотрели и на развитие политических институтов на Западе (даже в тот период, когда «демократический капитализм» в форме социального «государства благосостояния» был успешно консолидирован как институциональная система). Они надеялись, что «освободившаяся» от большевистской диктатуры Россия сможет устоять и от соблазна другой, не менее «ложной», с их точки зрения, утопии — либеральной. Наиболее удачно это умонастроение выразил русский мыслитель И. Р. Шафаревич в работе «Две дороги к одному обрыву» [Шафаревич, 2014], очевидным образом намекая на «исчерпанность» политического и ценностного содержания западного проекта Просвещения, двумя форматами реализации которого и являлись либеральный и коммунистический проекты XX века [Жарин, 2021].

Выйти за границы секулярных утопий?

Возможно ли мыслить демократию вне ее прямой связи с реализацией проекта Просвещения? Может ли демократия быть «нелиберальной», не превращаясь в диктатуру? [Фадеева, Думлер, 2022]. Возможно ли построение правового государства с плюралистическим политическим режимом на нелиберальном идеологическом основании и какими характеристиками оно должно обладать? Подчеркнем: такого государства, в котором основные завоевания европейского модерна сохранялись бы в новой форме и статусе.

Данная проблема остается актуальной для России по сегодняшний день как в исследовательском, так и в практическом смысле. Более того, в условиях обострения геополитического противостояния с Западом задача построения эффективного и стабильного государства становится еще более значимой. Это означает, что в поисках аутентичных и реалистических моделей демократии необходимо обратиться к изучению собственного теоретического наследия. При этом, важно подчеркнуть, изучение русской политико-философской мысли не должно превращаться в ее некритичную апологию, а принцип критичности по отношению к современным западным политическим проектам не должен трансформироваться в новое издание идеологической борьбы с «тлетворным влиянием». Необходим взвешенный и корректный историко-философский подход, основанный на принципах академической нейтральности.

В данной статье мы проанализируем политико-философские проекты русских философов — Ф. А. Степуна и И. А. Ильина, постараемся актуализировать их идеи в контексте возможности «обновления демократии» как идеи и концепта.

Оба мыслителя неоднократно обращались к теме «будущей России», подчеркивая необходимость сосредоточения интеллектуального внимания не на борьбе с советским коммунизмом, а на том, что может стать его заменой. Оба были уверены, что две версии западного модерна — либеральная демократия и советский коммунизм — рано или поздно окажутся в кризисе. Как стало очевидно сегодня, они оказались правы. Оба опасались того, что после падения коммунизма ослабленная Россия снова станет «полигоном» для испытаний очередной секулярной утопии, но уже в либеральном изводе, и также их пророчество, к несчастью, сбылось. Оба хотели того, чтобы Россия стала современной страной, в которой проект западного модерна смог бы обрести новые силы и возможность удержания «консервативной» золотой середины, равно удаленной от секулярного утопизма и впадения в архаичный традиционализм, который часто является «другой крайностью»: «компенсаторной» (Г. Люббе) реакцией современных обществ на кризисы современного развития [Люббе, 2016].

Ф. А. Степун: христианский реализм как основа политического действия

В работе «Чаемая Россия» (1936) Степун начинает повествование с того, что констатирует «уныние мещанского быта в Европе»: «Ничего-то в ней не чувствуется таинственного. Во всех обликах и на всех лицах тупое выражение “евклидовой геометрии”. Всякий отрывок фразы на улице — о ценах и деньгах. Ни одного нездешнего человеческого взора» [Степун, 2010b, с. 434]. Тоска по России, которая до событий войны и революции не была в полной мере мещанской страной, в Европе становится еще сильнее. Парадоксально, отмечает Степун, что тем не менее именно в России случилась революция, целью которой стало абсолютное воплощение «политического и хозяйственного стиля двадцатого века» [Степун, 2010b, с. 436]. Сущность этого стиля Степун определяет через единство трех принципов: иерархии, равновесия и равенства. Все они родились в эпоху Просвещения, стали политической реальностью после Французской революции. На основе этих принципов построены как либеральная, так и социалистическая идеологии, но в разных пропорциях.

При этом мыслитель убежден, что принципы либерализма и демократизма противоречат друг другу: демократия есть всего лишь процедура, содержательно нейтральная, зависящая от сложных конкретных политических обстоятельств. Либерализм же отстаивает идеалы личной свободы, а их защита не является основной целью демократии. Более того, капиталистическая система хозяйства также не носит априорного демократического характера. Степун, таким образом, настаивает на ложности в отождествлении трех принципов: демократии, либерализма и капитализма.

В каждом конкретном случае государство и общество должны самостоятельно определять, в каких пропорциях в политической системе должны сосуществовать хозяйственные принципы капитализма, демократические институты и необходимость защиты прав личности. Идеального государственного устройства не существует, а социальная наука не способна представить и обосновать принципы идеальной модели осуществления власти. Демократические институты сами по себе, в отрыве от ценностной составляющей политики, не могут являться эталоном. В эпоху модерна ничем не сдерживаемые демократические институты массового общества в определенных условиях могут привести к победе идеократии и диктатуре, а в других — к ослаблению государства и разрушению социальной и духовной жизни общества.

Подробный анализ реалий европейской политической и идеологической жизни необходим Степуну в первую очередь для того, чтобы обозначить, в какую сторону следует развиваться России после преодоления большевизма.

Важно, с его точки зрения, не только наметить правильный путь, но избежать тех ошибок и ложных отождествлений, которыми полна европейская политика и интеллектуальная жизнь. Мыслитель не скрывает, что противопоставляет свой проект многочисленным эмигрантским реляциям, для которых, как он отмечает, важнее надеть смирительную рубашку на большевизм [Степун, 2010b, с. 441], чем с серьезностью и ответственностью проанализировать как текущие европейские политические реалии, так и будущее России. Будущая Россия, несомненно, унаследует все свое прошлое, от которого невозможно будет избавиться. Но опираться на прошлое в проектировании будущего невозможно, из него нужно исходить, стремясь к изобретению новых политических и социальных форм жизни.

Степун с надеждой и тревогой отмечает, что будущее России абсолютно открыто. Нет никакого исторического провидения, которое гарантировало бы нам «спасение России». «России, помимо каждого из нас и помимо всех нас вместе, уже сейчас кем-то задуманной и окончательно уготованной к осуществлению — нет. В конце концов, она может стать такой, какую ее задумают и осуществят бескорыстно верные ее памяти и творчески озабоченные ее будущим русские люди» [Степун, 2010b, с. 441].

Философ полагает, что Россия, раз уж ей суждено пережить ужасы и тяготы большевистской диктатуры, ни в коем случае не должна менять ее на либерально-капиталистическую систему, в будущем кризисе которой он абсолютно убежден. Задача России — показывать новые исторические пути и создавать новые политические проекты.

Наше тяготение к России имеет еще и другие, более объективные причины: какую-то смутную надежду на то, что большевистская Россия, построившая свою кровавую идеократию против не существовавшего в России буржуазно-капиталистического строя, сможет *первою выйти на новый исторический путь, первую приступить к новой исторической стройке* (курсив мой. — А. Г.).

[Степун, 2010b, с. 442]

Необходимость нового «исторического творчества» — ключевой пункт размышлений Степуна. Он констатирует исчерпанность радикально-модернистских проектов (коммунизма и либерального капитализма) и надеется на «творческое» возвращение христианства как основы политико-правового и социального контекста будущих изменений, в которых Россия должна, с его точки зрения, занять лидирующую позицию [Погудина, 2016]. Мыслитель не хочет верить, что Россия после падения большевизма удовлетворится лишь

стремлением к материальному комфорту и мещанскому быту. Он с надеждой отмечает подъем религиозности по всей Европе, считая это идейное движение оппозицией социалистическому и либерально-капиталистическому духу эпохи.

Как на заре своей жизни, христианство переживает гонения и катакомбы; коммунисты издеваются над церквями и мощами, а антикоммунисты развеивают прах сожженных коммунистов по воздуху. Церковные вопросы, еще вчера никого не интересовавшие, собирают многотысячные аудитории, и на улицах атеистического Запада вспыхивают революционные стычки между христианами-исповедниками и их противниками.

[Степун, 2010b, с. 444]

Сегодня очевидно, что Степун идеализировал перспективы возвращения модерна к религиозным основам. Линейные теории модернизации и секуляризации 1960-х годов действительно оказались опровергнутыми. Политическое значение религии в мире сегодня велико, но мейнстримные линии развития внутри модерна все равно остались в своей основе секулярными. По всей видимости, сегодня новое «историческое творчество» может родиться не напрямую из духа православного христианства, как предполагал Степун, а из консервативно-светского сопротивления леволиберальному радикальному модерну современного Запада, из отстаивания того, что в современном официальном дискурсе принято называть «традиционными ценностями» [Аристархов, 2024]. Несмотря на то, что за определение внутреннего содержания термина «традиционные ценности» сегодня идет политическая борьба, в том числе на уровне официальной государственной пропаганды, вряд ли можно утверждать, что это понятие связано с какой-либо конкретной религиозной традицией. Скорее оно отражает дух современного консерватизма («консервативного модерна»), восходящего к Давиду Юму и Эдмунду Бёрку [Работяжев, 2015]. Понятие «традиционные ценности» сегодня противостоит не советскому коммунизму и не либеральному агностицизму XX века, а современной радикализации леволиберального модерна, представленной на Западе и у нас в стране: трансгуманизму, квир-идеологии, пересмотру семейной морали и природы сексуальных отношений. Религиозное сознание, несомненно, играет в этом сопротивлении определенную роль, но сам дискурс «сопротивления» все равно в значительной степени остается светским.

Однако даже с учетом вышесказанных соображений идея Степуна о необходимости нового «исторического творчества» остается актуальной и обретает

сегодня новые смыслы. Секулярный консервативный нарратив, который сегодня выступает антагонистом леволиберальной радикализации, нуждается в более серьезном осмыслении. В этом отношении идеи Степуна о необходимости обращения к христианскому толкованию политики могут быть востребованы. Отметим, что пафос творчества в предложениях русского философа имеет именно консервативную основу. Утопия же строится на предпосылке изменения природы человека и возможности создания совершенного общества. «Творчество», по Степуну, в своей основе содержит глубинное понимание несовершенства человека и условности умозрительных политических проектов. Утопия строится на нереалистичном фундаменте, творчество исходит из несовершенства человеческой природы как базовой предпосылки. Философ и литературовед В. К. Кантор отмечает: «Позиция Степуна — позиция трезвого и разумного человека. Последователь В. С. Соловьева, он не мог не принимать его максимуму, что христианство есть “торжество разума в мире”» [Кантор, 2010, с. 56].

В работе «Идея России и форма ее раскрытия» (1934) Степун отмечает: «Идея и миссия России заключается в том, чтобы стоять на страже религиозно-реальной идеи, и всюду и везде, где только можно, вести борьбу против ее идеологических искажений» [Степун, 2010а, с. 424]. Словосочетание «религиозно-реальная идея» нуждается в интерпретации. Правда, сам Степун дополнительных пояснений не делает. Однако в другом месте он пишет, например, следующее: «...Россия, попавшая в такой страшный тупик безбожной выдумки и отвлеченного идеологизма, и может, и должна еще сказать свое слово» [Степун, 2010а, с. 426–427].

Мы полагаем, что словосочетание «религиозно-реальная идея» можно свести к понятию «христианский реализм» или «религиозный реализм». Ключевым здесь будет именно понятие «реализм», который, с точки зрения Степуна, должен быть выстроен на христианской антропологии, говорящей нам о принципиальном, онтологическом несовершенстве человека и противоречивости его помыслов, а стало быть — о невозможности построения идеального государства и общества на основе той или иной утопии, воплощенной в идеологиях модерна [Агамбен, 2011].

Можно констатировать: политическое целеполагание, сделавшее, с точки зрения Степуна, правильные выводы из идеократического XX века, должно вернуться к главной христианской идее, которая одна только может и должна быть применима к проектированию политической жизни, — идее первородного греха, означающей в практической плоскости запрет на «идеологические» трансформации реальности в угоду той или иной секулярной утопии.

Степун не предлагает построить православную теократию и возвратиться к религиозной легитимации власти, он говорит о необходимости возвращения проекта модерна к христианскому представлению о человеке и его природе. Такое «возвращение» и будет преодолением XX века и основанием для построения новых форм политической жизни, не отрицающих демократические институты, социальное и правовое государство как завоевания европейского модерна [Гаман, 2023].

И. А. Ильин: национальная диктатура как путь к автономной демократии

Политическая публицистика И. А. Ильина, в отличие от сочинений Ф. А. Степуна, является давно и достаточно хорошо исследованным феноменом политической мысли XX столетия. Ильин популярен, по поводу его сочинений часто ведутся публичные дебаты, а его произведения цитируются официальными государственными лицами.

В данном исследовании мы сосредоточимся на цикле заметок Ильина под названием «Наши задачи» (1956), где мыслитель в течение нескольких лет размышлял о политических и социально-философских реалиях своего времени, настоящем и будущем эмиграции, а также задавался вопросами о будущем России после большевизма. Именно последний сюжет является предметом нашего интереса и именно в том разрезе, который мы обозначили в начале статьи.

Тексты Ильина, в отличие от работ Степуна, «насыщены» злободневными отсылками, прямыми апелляциями к своим политическим оппонентам по эмиграции. Однако перечень «обвинений», который Ильин бросает своим противникам по интеллектуальной борьбе, во многом сводится к одной концептуальной основе — необходимости при определении будущего России исходить из конкретных исторических и социальных реалий той ситуации, в которой это самое будущее будет определяться.

Ильин выступает категорически против утопизма, политического «пржектерства» и употребления «правильных слов» без понимания их реальной применимости в реальной будущей жизни страны. Одним из таких слов как раз является «демократия». Ильин задается вопросом: «Одни говорят “демократия” — и думают, что они что-то сказали. А между тем демократия швейцарских кантонов, с непосредственным участием граждан, не имеет ничего общего с демократией английского типа (избирательной, парламентарной и монархической). Чего же они хотят?» [Ильин, 2008, с. 459]. И заключает далее: «...все эти лозунги сами по себе ничего не означают, ибо прежние политиче-

ские понятия ныне выветрились, исказились и омертвели. Кто ограничивается ими, тот ничего не говорит и обманывает ими и себя и других» [Ильин, 2008, с. 460].

Ильин, так же как и Степун, уверен в необходимости раскрытия «творческого» политического потенциала России. Политическая стилистика XX века безнадежно дискредитирована, а риторика «демократии» выродилась в пустой лозунг, не связанный с реальностью. России, с его точки зрения, необходимо избежать сценария новой «переделки» ее государственности под «благие» утопические проекты. Он отмечает:

Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна «заимствовать». Она должна сама создать и выковать свое общественное и государственное обличье, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее...

[Ильин, 2008, с. 460]

Новое будущее России должно, по мысли Ильина, строиться органически, проистекать из реальных задач и конкретного исторического и политического контекста времени. Он убежден, что для выращивания нового государственного и политического строя, несомненно, понадобится синтез всех практик прошлого: и монархии, и республики, и аристократических тенденций, и демократических. На этом пути, конечно, необходимо избежать соблазна «реакции», которому необходимо поставить заслон. Важно, чтобы «творческий синтез» стал результатом непреднамеренных действий, сложился как естественный финал взаимодействий власти и общества для решения конкретных исторических национальных задач, а не был плодом размышлений узкой группы интеллигенции, одержимой очередной секулярной утопией и плоской моралистической риторикой.

Философ с поразительной пророческой точностью и присущим ему талантом публициста описывает первые годы России после падения большевизма. Он говорит о том, что страна окажется в нищете, а государство будет ослаблено, как на внешней арене, так и внутри страны. Ключевым вопросом, полагает Ильин, будет вопрос собственности, который, скорее всего, будет решен «на скорую руку» и приведет к обогащению бывшей советской номенклатуры. Он предсказывает рост сепаратизма, национализма, которые, несомненно, будут подпитываться извне:

Национальные обиды и племенные претензии будут разжигаться снаружи — и иноземными врагами и «своими» предателями, давно уже мечтающими ликвидировать Россию. И ко всему этому прибавится разногласия интеллигентски-эмигрантских «политических партий», заручившихся выдуманными «программами» и закулисными субсидиями...

[Ильин, 2008, с. 465]

Ильин говорит о том, что самой большой ошибкой российского общества будет попытка установить «демократию» любой ценой. Это, с его точки зрения, приведет к окончательной деградации государства и сокрушительному падению доверия общества к власти. Он пишет:

Если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании — демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность...

[Ильин, 2008, с. 466]

Как Россия должна выйти из этого состояния? По мысли Ильина, необходимо установление «национальной диктатуры», принятие всех мер для усиления государства даже путем сокращения и ослабления формально «демократических» институтов. Он называет стремление к «демократии самой по себе» опасной одержимостью, «фанатизмом формальной демократии». История показывает, что демократия — это процесс включения разных социальных групп в принятие решений, а не раз и навсегда установленный режим незыблемых «ценностей». Более того, пока ни одному обществу или цивилизации в истории не удалось установить демократию навсегда, и Запад заблуждается, думая, что это удастся ему в XX веке [Волков, 2012].

Но несмотря на историческую неустойчивость демократических тенденций, стремиться к «демократизации», то есть к увеличению реального, подлинного участия граждан в принятии общественных решений и укреплению личных свобод, конечно же, необходимо. Однако исходить нужно именно из конкретных потребностей и особенностей каждого общества и использовать демократию только как средство для достижения общественных целей, а не как цель, ради которой можно чем-то пренебрегать. Для реальной демократии, по мысли Ильина, важен ряд предпосылок: это уровень политической культуры, хозяйственная самостоятельность народа, политический опыт и образова-

ние. Более того, необходим определенный уровень ценностной консолидации общества: «Участнику демократического строя необходимы личный характер и преданность родине, черты, обеспечивающие в нем определенность воззрения, неподкупность, ответственность и гражданское мужество. Нет этого — и он пустое место, картонный кирпич в стене, гнилое бревно, проржавевшее кольцо в цепи, заранее обеспеченный предатель» [Ильин, 2008, с. 473].

Для формирования всех этих предпосылок, по мысли Ильина, неизбежно понадобится пройти период «национальной диктатуры». Ильин уклоняется от описания конкретных ее характеристик, говоря о том, что они могут определиться только в сам исторический момент ее становления. Однако он говорит, что эта диктатура будет опираться на творческую силу народа и будет свободна от утопических представлений о необходимости «внедрения» в России той или иной формы правления. Она станет решать те проблемы, которые перед ней будут непосредственно стоять, не сдерживая себя моралистически-идеологическими представлениями. Именно из такого подхода, уверен Ильин, со временем родится новая форма демократии, которая окажется способной преодолеть идеологичность и односторонность «формальной демократии».

* * *

Кризис секулярных идеологических конструкций, восходящих к эпохе Просвещения, — реальность сегодняшнего дня. Демократия как политический режим переживает кризис своего философского секулярного обоснования: происходящие сегодня в мире геополитические конфликты и масштабные социально-экономические трансформации подталкивают современные общества и государства к новым поискам политических форм. Важно отметить: ни сохранение идеалистических представлений о «конце истории», ни «реакционные» призывы к возвращению домодерновых форм политического общежития не смогут вывести человечество в новую реальность.

Впервые за последние несколько веков мир вступает в эпоху отсутствия «эталона», в ситуацию, при которой ни одна из существующих цивилизаций не в состоянии создавать нормативные культурные и политические образцы, как еще совсем недавно это было в эпоху господства Запада. Социолог Й. Терборн пишет, что история «начала поворот человечества от Северной Атлантики обратно к азиатским центрам домодерновой эпохи» [Терборн, 2017, с. 297]. Также он отмечает: «Усилится осознание плюрализма человеческих ценностей и озабоченность их сосуществованием, а не взаимопроникновением и “победой лучших” ценностей» [Терборн, 2017, с. 317].

В этих условиях страны и государства начинают обращаться к изучению собственного культурного и философского наследия, отыскивая там ответы на актуальные вопросы нынешнего дня. Как показал наш анализ, сочинения Степуна и Ильина могут натолкнуть на поиск многих ответов на сегодняшние вызовы. Вопрос поиска новой политической формы и необходимость построения «национальной» формы демократии, свободной от идеологем XX века, были ключевыми темами их политико-философских размышлений. Суммируем основные выводы:

- Степун и Ильин пишут свои работы в период существования советского строя, их размышления о глобальных политических процессах мотивированы поиском лучшей политической формы для будущей России;

- оба мыслителя уверены в исчерпанности линейно-модернистского представления о динамике обществ и неизбежности политической унификации, они настаивают на необходимости возобновления «исторического творчества», отказе от упрощенных, линейно-секулярных пониманий политики, восторжествовавших в XX веке;

- идеи Степуна в значительной степени идеалистичны, мыслитель призывает к возрождению религиозного понимания политики, к «христианскому реализму»; Ильин мыслит в более реалистичной парадигме, настаивая лишь на том, что применение западных политических стандартов без критического осмысления может привести к обратному результату;

- Ильин диагностирует кризис западного политического языка, он полагает, что основные категории западной политики (в том числе сам термин «демократия») приобрели статус формальных эталонов;

- мыслители настаивают на необходимости «творческого синтеза», призывают к реконфигурации модерна и верят в то, что Россия после освобождения от большевизма сможет сказать «новое слово» в создании политических форм, свободных от недостатков «идеологически» секулярного XX века.

Оба мыслителя уверены: от того, насколько российское общество и государство будут успешны в новом политическом «творчестве», зависит будущее.

Список источников

Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.

Аристархов В. В. Общечеловеческие ценности и конфликт цивилизаций // Журнал Института Наследия. 2024. № 2 (37). С. 4–11.

Волков В. А. Демократия как проблема в политической философии И. Ильина // Управленческое консультирование. 2012. № 2 (46). С. 5–11.

Гаман Л. А. Россия и Европа: на пересечении диалога и конфликта (взгляд Ф. А. Степуна) // Вестн. Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 127–132.

Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. 368 с.

Жаринов Е. В. Падшее Просвещение. Тень эпохи. М.: АСТ, 2021. 512 с.

Ильин И. А. Наши задачи. В 2 т. М.: Айрис-Пресс, 2008. Т. 1. 528 с.

Кантор В. К. Ф. А. Степун, «Мусагет», Э. К. Метнер // Кантовский сборник. 2010. № 1. С. 48–58.

Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. СПб.: Александрия, 2012. 502 с.

Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 192 с.

Кудрявцев С. А. Основные интерпретации процессов демократизации в современной политической науке // Наука. Культура. Общество. 2023. № 4. С. 40–53.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.

Мартьянов В. С. Пределы капитализма и рентное общество как глобальная альтернатива // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. № 12 (4). С. 18–33.

Мчедлова М. М., Кудряшова М. С. Религия и политика: от секуляризации к новым теоретическим координатам исследования // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 43–58.

Петрова М. В. Комплексный анализ альтернативности социального развития в условиях неустойчивости глобальных процессов // Вестн. Удмуртского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2024. № 34 (1). С. 16–25.

Погудина Т. В. Свобода и демократия в философии «Новоградцев» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3. 2016. С. 123–130.

Работяжев Н. В. Консерватизм и модернизация: единство или борьба противоположностей? // Полития. 2015. № 1 (76). С. 153–174.

Степун Ф. А. Идея России и форма ее раскрытия // Степун Ф. А. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010а. С. 423–433.

Степун Ф. А. Чаемая Россия // Степун Ф. А. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010b. С. 434–460.

Терборн Й. Мир: руководство для начинающих. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 336 с.

Тилли Ч. Демократия. М.: Институт общественного проектирования, 2007. 263 с.

Фадеева Л. А., Думлер Д. А. «Консервативная демократия» как вариант политического консерватизма // Вестн. Пермского университета. Политология. 2022. № 2. С. 27–38.

Шафаревич И. Р. Две дороги к одному обрыву // Шафаревич И. Р. Полное собрание сочинений. В 6 т. М.: Институт русской цивилизации, 2014. Т. 2. С. 3–54.

Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 280 с.

References

Agamben, G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [*Homo Sacer. Sovereign Power and Naked Life*]. Moscow: Evropa.

Aristarkhov, V. V. (2024) “Obshchechelovecheskie tsennosti i konflikt tsivilizatsii” [“Universal Human Values and the Conflict of Civilizations”], *Zhurnal Instituta Naslediya* [*Heritage Institute Journal*], 2(37), pp. 4–11.

Fadeeva, L. A. and Dumler, D. A. (2022) “‘Konservativnaya demokratiya’ kak variant politicheskogo konservatizma” [“‘Conservative Democracy’ as a Variant of Political Conservatism”], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [*Bulletin of Perm University. Political Science*], 2, pp. 27–38.

Il'in, I. A. (2008) *Nashi zadachi. V 2 tomakh. Tom 1* [*Our Tasks. In 2 vols. Vol. 1*]. Moscow: Airis-Press.

Gaman, L. A. (2023) “Rossiya i Evropa: na peresechenii dialoga i konflikta (vzglyad F. A. Stepuna)” [“Russia and Europe: At the Intersection of Dialogue and Conflict (The View of Stepun)”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Bulletin of the Tomsk State University. History*], 83, pp. 127–132.

Grey, J. (2003) *Pominki po Prosveshcheniyu. Politika i kul'tura na zakate sovremenosti* [*Commemoration of the Enlightenment. Politics and Culture at the End of Modernity*]. Moscow: Praksis.

Kanfora, L. (2012) *Demokratiya. Istoriya odnoi ideologii* [*Democracy. The History of One Ideology*]. St. Petersburg: Aleksandriya.

Kantor, V. K. (2010) “F. A. Stepun, ‘Musaget’, E. K. Mettner” [“F. A. Stepun, ‘Musaget’, E. K. Mettner”], *Kantovskii sbornik* [*Kant's Collection*], 1, pp. 48–58.

Krauch, K. (2010) *Postdemokratiya* [*Postdemocracy*]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki [Publishing house of the Higher School of Economics].

Kudryavtsev, S. A. (2023) “Osnovnye interpretatsii protsessov demokratizatsii v sovremennoi politicheskoi nauke” [“The Main Interpretations of Democratization Processes in Modern Political Science”], *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [*Science. Culture. Society*], 4, pp. 40–53.

Lübbe, H. (2016) *V nogu so vremenem. Sokrashhennoe prebyvanie v nastoyashhem* [Keep up with the Times. Shortened Stay in the Present]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki [Publishing house of the Higher School of Economics].

Mart'yanov, V. S. (2020) "Predely kapitalizma i rentnoe obshchestvo kak global'naya al'ternativa" ["The Limits of Capitalism and the Rent Society as a Global Alternative"], *Journal of Institutional Studies*, 12(4), pp. 18–33.

Mchedlova, M. M. and Kudryashova, M. S. (2016) "Religiya i politika: ot seku-lyarizatsii k novym teoreticheskim koordinatam issledovaniya" ["Religion and Politics: From Secularization to New Theoretical Coordinates of Research"], *Politicheskaya nauka* [Political Science], Special Issue, pp. 43–58.

Petrova, M. V. (2024) "Kompleksnyi analiz al'ternativnosti sotsial'nogo razvitiya v usloviyakh neustoichivosti global'nykh protsessov" ["Comprehensive Analysis of Alternative Social Development in the Context of Instability of Global Processes"], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika"* [Bulletin of the Udmurt University. "Philosophy. Psychology. Pedagogy"], 34(1), pp. 16–25.

Pogudina, T. V. (2016) "Svoboda i demokratiya v filosofii 'Novogradtsev'" ["Freedom and Democracy in the Philosophy of the 'Novogradians'"], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of Tula State University. Humanities], 3, pp. 123–130.

Rabotyazhev, N. V. (2015) "Konservatizm i modernizatsiya: edinstvo ili bor'ba protivopolozhnostei?" ["Conservatism and Modernization: Unity or Struggle of Opposites?"], *Politiya*, 1(76), pp. 153–174.

Shafarevich, I. R. (2014) "Dve dorogi k odnomu obryvu" ["Two Roads to One Cliff"], in Shafarevich, I. R. *Polnoe sobranie sochinenii. V 6 tomakh. Tom 2* [Complete Works. In 6 vols. Vol. 2]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii [Institute of Russian Civilization], pp. 3–5.

Stepun, F. A. (2010a) "Ideya Rossii i forma ee raskry`tiya" ["The Idea of Russia and the Form of its Disclosure"], in Stepun, F. A. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya [Russian Political Encyclopedia], pp. 423–433.

Stepun, F. A. (2010b) "Chayemaya Rossiya" ["Teased Russia"], in Stepun, F. A. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya [Russian Political Encyclopedia], pp. 434–460.

Streeck, W. (2019) *Kuplennoe vremya. Otsrochennyi krizis demokraticeskogo kapitalizma* [Purchased Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki [Publishing house of the Higher School of Economics].

Terborn, I. (2017) *Mir: rukovodstvo dlya nachinayushchikh* [The World: A Beginner's Guide]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki [Publishing house of the Higher School of Economics].

Tilly, Ch. (2007) *Demokratiya [Democracy]*. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya [Institute of Public Design].

Volkov, V. A. (2012) “Demokratiya kak problema v politicheskoi filosofii I. Il’ina” [“Democracy as a Problem in Ilyin’s Political Philosophy”], *Upravlencheskoe konsul’tirovanie [Management Consulting]*, 2(46), pp. 5–11.

Zharinov, E. V. (2021) *Padshee Prosveshchenie. Ten’ ehpokhi [Fallen Enlightenment. Shadow of an Era]*. Moscow: AST.

Информация об авторе: Александр Андреевич Гиринский — кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Aleksander A. Girinsky — PhD in Philosophy, Scientific Researcher at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2026;
принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 22.05.2025;
approved after reviewing 01.03.2026;
accepted for publication 10.03.2026.